

Человек

Приступая к исследованию этой сущности, прежде всего необходимо отметить, что человек - именно то понятие, которое несомненно относится к числу основополагающих и, как следствие этого, является понятием неопределяемым. Вооруженные теоремой Гёделя о неполноте [90] мы не будем вслед за Платоном (Диогеном) пытаться определить человека как нечто подобное двуногому без перьев с ногтями... Мы не будем биться над определением содержания этого понятия, вполне достаточно того, что нам очевиден объем понятия "человек". Нам очевидно, что собой представляют люди - элементы множества - человечества. Нам достаточно нашей уверенности в том, что употребляя в теории термин "человек", мы не придадим ему иное, выводящее его за рамки искомого множества, значение. Таким образом, у нас появилось первое основное неопределяемое понятие - человек (каждый, любой...). Но этот элемент множества - человек - обладает неисчерпаемым количеством характеристик, подавляющее большинство из которых для наших целей совершенно безразлично. Наша задача состоит в том, чтобы из всего множества характеристик определить и выбрать именно те, без которых мы не сможем построить теорию права.

Кстати, незаметно для себя, мы уже вступили на путь описания существенных характеристик человека, обозначив его как элемент некоего множества - человечества. Важнейшая существенная для нас характеристика человека как раз и связана с тем, насколько человек - элемент, насколько он самостоятелен, обособлен от других элементов - людей и, возможно, еще каких-либо важных сущностей, обособление или необособление от которых может повлиять на построение теории права.

"Человечество представляет из себя множество душевных центров, из которых каждый укрывается таинственным образом за одну, для него центральной и специфически ему служащей вещью, именуемой его телом" [26, с.110]. Что касается этой "центральной вещи", именуемой телом, с интересующей нас точки зрения, все более или менее понятно. Каждое из них обособленно в достаточной степени, чтобы его можно было считать элементом множества. Но в том-то и дело, что эта вещь - специфическая, как это точно подметил И.А.Ильин. Эта вещь существенным образом отличается от других вещей, являясь вместилищем душевного центра, и только вместе они составляют то, что мы называем человеком. Это отличие от всех других вещей связано с присущим человеку сознанием. Когда Спиноза говорит о том, что падающий камень, если бы он обладал сознанием, мог бы думать, что он падает свободно - по собственной воле [81, с.592], мы все-таки понимаем, что он иронизирует, понимаем, как в этом смысле человек отличается от камня. Это отличие обусловлено наличием того душевного центра, о котором говорит И.А.Ильин.

Но сам факт наличия этого душевного центра еще не говорит нам о степени обособленности, самостоятельности каждого человека. Допущение того, что каждый душевный центр связан с каким-то иным, возможно глобальным центром, не может быть ни подтверждено, ни опровергнуто. Нам не дано постичь - плетет или не плетет Клото нить нашей жизни, повелевают ли обстоятельства нашим душевным центром или нам дано подняться над ними и т.п. Спор о наличии или отсутствии свободы воли у человека идет уже не одно столетие еще со времен Сократа. "Идея автономии (свободы воли - С.Е.)... лежит в основании всей жизни человеческого духа" [26, с.109]. Дань этому спору отдали очень многие великие философы. Детерминизм и индетерминизм, дуализм и экзистенциализм, Лютер и Эразм,

А.Шопенгауэр и Ф.Шеллинг, Г.Гегель и Н.Лосский не дали окончательного ответа на этот вопрос. Да они и не могли его дать, так как кроме собственных представлений, собственной убежденности, наконец, собственной веры, философам не на что было опереться. Но мы не можем его обойти. Без ответа на этот вопрос - обладает ли человек свободой воли - не может быть построена теория права. Более того, она не может быть построена без положительного ответа на этот вопрос.

В самом деле, цель любой правовой системы заключается в ограничении произвола в поведении людей. Но всякое такое ограничение всегда обращено к сознанию человека, к его сознательной воле. Однако, если причина поступков человека лежит не в нем самом, если у него нет свободы воли, если каждый его поступок кем-то (чем-то) предопределен, тогда никакие требования, обращенные к человеку, к его сознанию, к его разуму, не могут повлиять на его поведение и, следовательно, любая правовая система становится бессмысленной. Мы сейчас не говорим о том, бессмысленна ли в действительности любая правовая система. Мы говорим только лишь о том, что если мы отказываем человеку в свободе воли, если признаём, что свобода принятия решений ему не принадлежит, что эти решения определяются извне, не являются продуктом его разума, то наша деятельность по построению правовой системы становится бессмысленной. “Если бы воля была не свободна, то предписания разума были бы напрасны; ибо в них содержалось бы или то, к чему воля необходимо стремится или то, чего по природе своей она исполнить не может” [39, с.5]. И тот, кто взялся за какую-либо деятельность в области права и не хочет заранее признать эту деятельность бессмысленной, просто обязан признать наличие у человека свободы воли. Нам вполне бессмысленной представляется идея построения правовой системы для стада, для улья, для муравейника. Основная причина такой бессмысленности определяется тем, что свобода принятия решений лежит где-то вовне отдельного муравья, пчелы, козы. “Под этим названием (муравейник - С.Е.) разумеется всеобщее и согласное соединение живых существ какого-либо вида, основанное на присутствии в них одного общего и безошибочного инстинкта построения общего жилища. Таким инстинктом наделены все живущие обществами животные (муравьи), но его лишен человек; поэтому в то время, как они строят всегда одинаково, повсюду одно и постоянно мирно, человек строит повсюду различное, вечно трансформируется в своих желаниях и понятиях; и едва приступает к построению всеобщего - разойдется в представлениях своих, единичных личностях, и притом со смертельною враждою и ненавистью” [70, с. 149]. Таким образом, нам совершенно необходимо эту важнейшую характеристику, выделяющую человека из остального мира, зафиксировать в

Аксиоме 1.

Каждый человек обладает внутренней свободой (свободой воли).

В нашей первой аксиоме появилось два новых термина: свобода и внутренняя свобода. Понятие “свобода” мы вынуждены пока отнести к основным, не определяемым понятиям в надежде на то, что содержание этого понятия в дальнейшем изложении не вызовет трудностей в своем осмыслении и употреблении. Несмотря на то, что люди очень по-разному всегда его определяли.

Перикл: “Считайте ... за свободу мужество всмотреться в лицо военным опасностям” [59, с.22].

Монтескье: “Одни называют свободой лёгкую возможность низлагать того, кого они наделили тиранической властью; другие – право избирать того, кому они

должны повиноваться; третьи – право носить оружие и совершать насилия; четвёртые видят её в привилегии состоять под управлением человека своей национальности или подчиняться своим собственным законам. Некий народ долгое время принимал свободу за обычай носить длинную бороду” [50, с.288].

Трельч: “Свобода... представляет собой свободную, сознательную, исполненную долга самоотдачу целому, уже существующему как следствие истории, государства и нации” [88, с.192].

Токвиль: “Существует свобода гражданская и нравственная; сила, воплощающаяся в единении всех; сила, которую самой власти предназначено охранять; эта свобода заключается в том, чтобы без страха совершать доброе и справедливое. Эту свободу мы обязаны защищать от любых случайностей, и в случае необходимости жертвовать за нее собственной жизнью” [86, с. 53].

Достоевский: “Нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается” [23, с.397].

Согласившись с тем, что понятие “свобода” мы оставим пока неопределенным, можно через ближайший род (свобода) и видовое отличие дать определение второму новому понятию.

Определение 1.

Внутренняя свобода - свобода (способность, возможность) человека самостоятельно выбирать, что ему хотеть.

“Способность желать по предписаниям разума называется волею” [39, с.3]. Причём, здесь же необходимо отметить, что внутренняя свобода ничем не ограничена, ибо любое её ограничение может быть только её же собственным актом, действием сознания, душевного центра человека, проявлением его свободной воли.

Более того, способность человека к выбору является не только его, человека, существенной характеристикой, но и является способностью весьма полезной, даже если согласиться с Ф.М.Достоевским в том, что “свобода выбора - страшное бремя человека” [23, с.398]. Она является основой многих других весьма полезных его способностей: понимать, судить, думать, различать хорошее и плохое. Все эти и другие способности человека совершенствуются тогда, когда человек делает выбор. Тренировка именно этой способности двигает человека по пути его развития. Отнимите у человека эту способность - осмысление возможности выбора - что специфически человеческое у него останется? Выбор того, что ему хотеть - важнейшее применение способности выбора вообще.

Таким образом, мы постулируем, что все люди чего-нибудь хотят. И теперь самое время проанализировать эту существенную характеристику человека - его желания.

Первая мысль, которая при этом приходит в голову, - а нет ли среди этих желаний чего-нибудь общего, присущего всем людям? Такого, что могло бы полезно охарактеризовать человека с точки зрения построения теории права. Нет ли каких-то таких желаний, которые присущи всем элементам множества – людям? Т.Гоббс дал свой вариант ответа на этот вопрос. Среди всех претендентов он выделил: “естественную потребность (*cupiditas naturalis*), в силу которой каждый домогается для себя права собственности на вещи, находящиеся в общем пользовании, и естественный разум, в силу которого каждый стремится избежать насильственной смерти как величайшего из природных несчастий” [15, с. 274].

Нам представляется, что в более обобщенном виде мы можем постулировать одно такое желание, действительно присущее всем людям.

Аксиома 2.

Каждый человек хочет жить хорошо.

Это означает, что, прежде всего каждый человек хочет жить. Инстинкт самосохранения - самый мощный инстинкт, заложенный в человека. При этом вещь, именуемая телом, хоть и является необходимым условием жизни, она не является определяющей, главенствующей в этом тандеме. Определяющим является тот самый душевный центр (или “сознание”, “разум”, “интеллект” и т.п., как иначе называют этот душевный центр разные авторы), который существенным образом характеризует человека, определяет его как человека. По свидетельству К.Поппера еще Сократ настаивал на том, что “человек - это не кусок плоти, не только тело. В человеке есть большее - божественная искра, разум, а также любовь к истине, доброте, человечности, любовь к красоте и благу. Именно они придают достоинство человеческой жизни. Однако, если я не только “тело”, кто же я тогда? Ты - прежде всего интеллект” [62, с. 237].

Прерогативой сознания, интеллекта является вторая составляющая аксиомы - хорошо. Именно поэтому, как бы плохо ни было телу, в каких бы нечеловеческих условиях (каторга, концлагерь и т.п.) это тело ни существовало, оно (тело) будет цепляться за любое, самое ужасное существование. Иное дело - ужас существования для самого душевного центра. Чувство вины, чувство гордости, чувство ответственности и т.п. могут толкнуть человека на поступок, не совместимый с существованием тела. Только коллизия между “жить” и “хорошо” (для душевного центра) может заставить человека добровольно отказаться от “жить”. Только если степень “нехорошо”, определяемая самим душевным центром, становится такой, что “хорошо” есть “не жить”, поскольку “жить” недопустимо, невыносимо, “нехорошо” (для душевного центра), человек может добровольно отказаться от “жить”. До тех же пор, пока конкретное “нехорошо” (подлость, предательство и т.п.) совместимо с требованиями душевного центра, человек добровольно не откажется от жизни.

Более того, подавляющее большинство людей расценивает - страшно, больно, голодно, холодно и т.п. - как “нехорошо”, но как “нехорошо” для тела. И как бы “нехорошо” для тела ни было, душевный центр не даст возможности телу прекратить любые нехорошие телесные ощущения ценой самой жизни и при этом будет толкать тело в направлении избавления от такого “нехорошо”, в направлении к “не страшно”, “не больно”, “сытно”, “тепло” и т.п. - т.е. “хорошо”. По утверждению И.Канта, “Быть счастливым - это необходимое желание каждого разумного, но конечного существа и, следовательно, неизбежно определяющее основание его способности желания” [28, с.141].

Теперь настало время определить для себя, где же находится тот центр, который формирует антитезу “хорошо-нехорошо”. Исходя из вышесказанного и опираясь на Аксиому 1 (каждый человек обладает внутренней свободой), мы можем сформулировать

Следствие 1.

Только сам человек решает, что для него хорошо.

Из наших предыдущих рассуждений мы можем сделать только такой вывод. Альтернативой такому выводу может служить тезис: понимание того, что хорошо, а

что нехорошо поступает человеку откуда-то извне. Но это означало бы, что человек не может самостоятельно выбирать, что ему хотеть (а это прямо противоречит нашей первой аксиоме), и означало бы отсутствие у человека внутренней свободы. Логика не допускает сосуществования Аксиомы 1 и такого тезиса.

А раз это так, если только сам человек решает, что для него хорошо, значит он вправе решить, что именно для него сладко - нехорошо и отказаться есть сладкое. Вправе решить, что для него мягко - нехорошо и отказаться спать на мягком. Вправе решить, что для него нестрашно - нехорошо и смотреть фильмы ужасов. Вправе решить, что для него не больно - нехорошо и сознательно причинять себе боль. И т.д. и т.п. Что бы по этому поводу ни думал кто-либо другой. "Никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать, или что-либо не делать, на том основании, что от этого ему самому было бы лучше, или что от этого он сделался бы счастливее, или наконец, на том основании, что по мнению других людей, поступить известным образом, было бы благороднее и даже похвальнее. Всё это может служить основанием для того, чтобы поучать индивидуума, уговаривать, увещевать, убеждать его, но никак не для того, чтобы принуждать его или делать ему какое-либо возмездие за то, что он поступил не так, как того желали. Только в том случае дозвоительно подобное вмешательство, если действия индивидуума причиняют вред кому-либо" [49, с. 269]. Таким образом, "сам" в Следствии 1 означает, что никто не вправе, с позиции "хорошо-нехорошо" для него самого, давать желаниям и действиям человека такую оценку, наличие которой могло бы оправданно ограничить этого человека в достижении им любого "хорошо" при условии, что это "хорошо" касается только его самого. Иными словами, никто не должен препятствовать человеку в его действиях, направленных на достижение им того, что он сознательно считает для себя благом, только на том основании, что кто-то считает, что человек ошибается, и, в действительности, - это для него зло.

Ключевым словом здесь является слово "сознательно", поскольку единственным легальным основанием для ограничения человека в процессе достижения им его "хорошо" может служить недостаточная степень осознания человеком своих действий. При этом мы должны признать - частичное поражение в правах недопустимо: если мы считаем, что конкретный человек в достаточной мере осознает в отношении каких-либо своих желаний и действий, что это для него хорошо, то он осознает это и в отношении любых других своих желаний и действий. А если мы убеждены, что конкретный человек в отношении какой-то части своих действий не в состоянии осознать, что для него хорошо, у нас нет оснований быть уверенными в том, что он осознает это в отношении всех остальных своих действий. Рассуждая об этом, важно не спутать недостаточную степень осознания с недостаточной информированностью. "Главной отличительной чертой человека является его способность рационально мыслить" [72, с. 18], а способность рационально мыслить есть важнейшая составляющая сознания. Если рационально мыслящий человек собирается совершить опасное действие, не зная о том, что это действие опасно, достаточно проинформировать его о грозящей опасности и его сознание обязательно поможет ему принять верное решение.

Забегая вперед, можно сказать, что всё, только что сказанное, имеет прямое отношение к понятию "дееспособность". Никто не будет отрицать, что до определенного возраста ребенок не в состоянии не только осознавать, что для него хорошо, но не в состоянии осознать что-либо вообще. С другой стороны, опыт показывает нам, что существуют люди, которые по причине своих особенностей, называемых психическими расстройствами, также не в состоянии осознавать, что хорошо, а что плохо даже для их физического, телесного существования. Эти факты

убеждают нас в том, что Следствие 1 о том, что только сам человек решает, что для него хорошо, в полной мере относится к людям полностью дееспособным. Очень сложен и многогранен вопрос о том, в каком возрасте человек становится полностью дееспособным, а тем более, вопрос о том, как, по каким критериям, по какой процедуре, в связи с чем решать вопрос о дееспособности или недееспособности взрослого человека. Здесь не место заниматься разрешением этих вопросов. Это может стать предметом обсуждения только после создания всей правовой теории, в которой непременно должно найтись место способам определения естественной недееспособности некоторых членов общества. Здесь важно понять одно: если человек дееспособен, в отношении него Следствие 1 (только сам человек решает, что для него хорошо) действует в полном объеме. В дальнейшем термин «человек» мы будем называть только такого человека, дееспособность которого не вызывает сомнений.

Рассмотренные положения ни в коей мере не мешают и не запрещают кому-либо давать оценку действиям и желаниям человека с позиции - а хорошо ли это для кого-либо другого? Более того, наличие в Аксиоме 2 слова «каждый» говорит о том, что любой другой, который также хочет жить хорошо, вправе препятствовать направленным на него действиям по обеспечению для него «хорошо» не так, как это понимает он сам, а как это «хорошо» понимает кто-то другой. Вопрос разрешения возможных коллизий между «хорошо» в понимании разных субъектов обязательно будет предметом нашего дальнейшего рассмотрения. Однако, «каждый, даже самый обыкновенный человек, как мужчина, так и женщина, имеет несравненно более сильные средства, чем кто-либо, к познанию того, что для него есть благо» [49, с. 335].

Сейчас в главе о человеке мы осознанно стараемся, по возможности, избегать рассмотрения каких-либо взаимодействий между людьми, стараемся рассматривать человека как самостоятельный, отдельный элемент. Пока наши аксиомы и следствия касались внутреннего мира человека. Но человек живет не только своим внутренним миром. Человек взаимодействует и с миром окружающим. То, о чем человек решил, что это для него «хорошо», может быть связано с каким-либо действием: пойти, взять, съесть и т.п. Нам необходимо как-то охарактеризовать возможные действия человека по достижению им того «хорошо», которое он сам для себя определил. Необходимо установить - есть ли, должны ли быть какие-либо принципиальные препятствия на пути достижения человеком его «хорошо». Другими словами, хорошо ли он поступает, пытаясь достичь любого «хорошо». Может быть, некоторые «хорошо» допустимы только в сослагательном наклонении: хорошо бы, чтобы я стал очень богатым (получил наследство, выиграл в лотерею, нашел случайно клад и т.п.), но вот действовать в этом направлении, сознательно стремиться к достижению такого (или каких-то других) «хорошо» неправильно, нельзя, недопустимо? Может быть, есть такие желания, никак не ущемляющие других людей, которые по своей внутренней природе таковы, что сознательное стремление к их достижению неправильно (день и ночь трудиться, забыв о своем духовном развитии; день и ночь копать землю в поисках клада, забросив семью и т.п.)? Может быть, вообще, есть желания хорошие и желания плохие? Может быть, есть жизнь хорошая (правильная) и жизнь плохая (неправильная)? И, несмотря на то, что каждый человек хочет жить хорошо так, как он сам себе это представляет, не ко всякой хорошей жизни его стремление правомерно? Может быть, вопрос о хорошей жизни (жизни героя, великого ученого, первопроходца, великого писателя, морального авторитета и т.п.) или плохой жизни (жизни мещанина, стяжателя, обывателя и т.п.) имеет не только нравственный, но и правовой аспект? Ответ на

этот вопрос также нельзя оставлять у себя в тылу. Этот вопрос требует ответа. Однако, отнесение этого вопроса к области сущего или должного не так однозначно.

Аксиома 3.

Стремление каждого человека к хорошей жизни правомерно (оправдано).

Даже если это утверждение не относится к области сущего, а относится к области должного, мы принимаем его совершенно осознанно потому, что нас не устраивает ни одна из возможных его альтернатив.

Первая альтернатива связана со словом “каждого”. Мы не можем согласиться с тем, что только некоторые (кто?) вправе стремиться к хорошей жизни, как они её себе представляют, а остальные - нет. Мы не можем никому отказать в этом праве, ведь мы выбрали “равноправие” (точка №7), а не исключительность на оси использования права.

Вторая альтернатива связана с тем, всякое или не всякое желание допустимо. Об этой альтернативе мы говорили чуть выше и считаем, что каждый человек вправе стремиться к достижению любой цели в полном соответствии со Следствием 1 (только сам человек решает, что для него хорошо). Конечно, эти стремления не могут быть безграничными. Они могут быть ограничены столь же оправданными стремлениями других людей, но об этом мы поговорим в главе “Общество”, где будем рассматривать не изолированного человека, а множество взаимодействующих людей.

Третья альтернатива вовсе отказывает человеку в стремлении к хорошей жизни. Вряд ли найдется желающий отстаивать такую альтернативу.

Таким образом, для нас выбор Аксиомы 3 из всех возможных альтернатив - очевиден. Может показаться, что Аксиома 3 в совокупности со Следствием 1 не заключает в себе ничего нового, выглядит совершенно банально, а между тем, она представляет собой резкое противоречие с теми фактами, которые даёт нам как история, так и окружающая нас современная действительность. Все общества, от древних до современных, всегда стремились подчинить отдельного человека своим представлениям о личном благе, а само личное благо - благу общественному. Причём такое подчинение осуществляется не только через общественное мнение, но и через посредство законов, что с нашей точки зрения ещё более недопустимо. “Так как все изменения, совершающиеся в существующих порядках, обнаруживают тяготение к усилению общества и к ослаблению индивидуума, то чрезмерное усиление власти общества над индивидуумом представляется нам не таким злом, которое обещало бы со временем прекратиться само собой, а напротив, это такое зло, которое всё более и более растёт” [49, с.300]. Эти строки, написанные Д.С.Миллем полтора века назад, нисколько не утратили своей актуальности и сегодня.

Наконец, необходимо поговорить о цели жизни, поскольку у нас для этого накопилось достаточно материала.

Для начала необходимо дать несколько определений.

Определение 2.

Цель - предвидимое, желаемое и осуществимое состояние вещей и людей, достигаемое субъектом с помощью средств.

Все слова, используемые в этом определении, понятны без дополнительных разъяснений. Кроме двух.

Определение 3.

Субъект - обладатель внешней свободы - лицо (в том числе человек) или орган.

Определение 4.

Средства - вещи, действия с которыми, и люди, действия которых, приводят к достижению цели.

Определение 2 говорит нам о любой цели, о цели в самом общем виде. Но для нашей задачи это слишком высокая степень обобщения. Поэтому дадим еще одно определение, более узкое и конкретное.

Определение 5.

Цель жизни - высшая цель, к которой стремится человек.

Человек всегда к чему-нибудь стремится: добраться до работы, вкусно поесть, выучить иностранный язык, не поскользнуться на улице и т.п. Но это примеры целей локальных, возможно, промежуточных. Понятно, что это не те цели, которые в нашем определении названы высшими. Высших целей не может быть так много. Хотя и не обязательно она должна быть одна. Для кого-то - это прожить как можно дольше (первая половина Аксиомы 2). Для кого-то - это стать нобелевским лауреатом, или чемпионом мира по шахматам, или космонавтом. Для кого-то вырастить детей, посадить дерево и построить дом. Но вот правы ли они, признавая эти цели высшими целями своей жизни? Нам представляется, что правы.

Обо всем этом не нужно было бы говорить, если бы иные мнения не были так распространены. Есть очень много людей (сейчас их около 2 млрд. человек), которые искренне считают, что каждому человеку еще при его рождении задана цель - прожить свою земную жизнь так, чтобы после её завершения, в вечности, оказаться в привилегированном положении по отношению к тем, кто этой целью жизни пренебрежет. Есть много людей (сейчас их около 1 млрд. человек), которые искренне считают, что каждому человеку еще при его рождении задана цель - прожить свою очередную жизнь так, чтобы в следующей земной жизни занять более высокую ступень. Есть люди, которые считают, что целью жизни каждого человека является служение другим людям. Есть еще много других вариантов "высшего" целеполагания, принятого разными группами людей. У них есть одно общее - люди, придерживающиеся любой подобной точки зрения, считают, что принятая ими высшая цель является единственно правильной, достойной и поэтому высшей не только для них самих, но и для всех других людей. При этом они считают свое стремление к достижению высшей цели оправданием (любых) своих действий. Это не значит, что любые действия таких людей не вписываются в нашу теорию. Вовсе нет. Большая часть таких действий вписывается. Большая, но не все. Достаточно вспомнить костры инквизиции.

Более того, исходя из своих высших целей, их носители склонны требовать определенных действий от других людей, опять-таки ссылаясь на величие целей, независимо от того, разделяют ли эти цели те люди, от которых они требуют определенных действий.

Мы считаем, что подобные явления должны быть в явном виде выведены за рамки допускаемого нашей теорией. Опираясь на Аксиомы 1, 2 и Следствие 1, сформулируем

Следствие 2.

Никто не вправе определять человеку цель его жизни, которой он обязан следовать.

В этом Следствии 2 дополнительного разъяснения требует термин “никто”. В данном контексте “никто” означает: никакой другой человек; никакая группа людей сколь угодно большой численности; никакое иное (высшее) существо ни непосредственно, ни через своего представителя (оракула, пророка, мессию и т.п.). Если это существо обращается к человеку непосредственно, то это, с нашей точки зрения, должно быть равносильно следствию 1, поскольку именно сам человек должен будет решить, что ему делать с таким обращением. Другое дело, что никто не вправе ссылаться на такое обращение, заставляя других людей исполнять ставшую ему известной волю такого существа, при полной свободе убеждать других людей принять предлагаемую им цель жизни. Это не означает также, что какая-то группа людей добровольным решением каждого члена этой группы не вправе принять общую для каждого члена группы цель жизни. Это не означает, что любой человек не вправе добровольно присоединиться к любой, провозглашенной кем-либо цели жизни. Оба эти варианта вполне возможны постольку, поскольку они не противоречат Следствию 1.

По мере продвижения вперед в процессе построения нашей теории нам все труднее и труднее было удержаться в рамках рассмотрения человека как изолированного от других элемента множества, к которому он принадлежит. Пора перейти к рассмотрению человека в его взаимосвязи с другими элементами множества людей, имя которому